

*Прежде всего о заголовке. Поглядел я на него и вознамерился было убрать определение. Да передумал. Нет, по тексту станет понятно, что все они учились в Томском университете. Но тут и другое значение обнаруживается. А именно: здесь подразумевается воспитанное чтением классики, серьёзное, именно **университетское** отношение к поэтическому слову.*

---

Столичный поэтический бум порубежья 1950–1960-х аукнулся и в Томске. Так получилось, что центром притяжения стихотворцев стал не университет с его историко-филологическим, а Томский политехнический институт (ТПИ). Дни поэзии ТПИ вписаны в историю. Они собирали полные аудитории, выплёскивались на открытую эстраду Лагерного сада. Стихи до поздней ночи звучали в общежитиях. Гости из обеих столиц Роберт Рождественский, Виктор Соснора, Александр Кушнер читали на равных с томичами. Наезжали поэты из соседних сибирских городов. Неизменным участником Дней был колоритный новосибирец Илья Фояков. Литобъединением ТПИ «Молодые голоса» руководил какое-то время замечательный русский лирик, тогда совсем молодой Василий Казанцев.

В Москве было много трубных звуков, призывов. Здесь у нас глотку не драли, голоса были естественнее, звуки чище. Здесь не жаждали многотысячных оваций, здесь хотели выразить себя, своё время, окружающую жизнь, которая многое обещала.

Столичные парни числили поэзию рычагом, при посредстве которого можно перевернуть мир. Наверное, их вдохновлял романтически понятый Маяковский, поэт общественного служения. Там – новаторство, дерзость, разрушение границ. Это становилось чуть ли не самоцелью.

А наши – они тоже хотели быть услышанными. Но обходились без переводов, отыскивая другой путь к сердцам: найти такие слова, интонации, чтобы слушающие опознали их как свои.

Эти годы знаю по рассказам, я тогда доучивался в поселковой средней школе. Но вот в 1966-м поступил на первый курс историко-филологического факультета Томского университета.

В университете поэтическая братва не стала искать название своему цеху – это было просто лито. Я попал на его занятия в том же 1966-м, вёл их преподаватель Николай Афанасьевич Антропьянский. Студенты шутя-любя звали его Шантрапьянский. Его, безусловно, любили. Уже пожилой человек с блистающей под люстрами жёлтой лысиной, он по-молодому загорался, радостно

отзывался на крепкие, яркие строки, сдерживал иронически-беспощадную критику, которую мастера обрушивали на начинающих. А мастера тут были ещё те, каждый со своим уже сформированным голосом: физик Гриша Кружков, геолог Витя Лойша, филологи Гена Плющенко и Валера Сердюк... Хорошо помню, как я сразу прикусил язык – хватило ума. С первых же занятий, на которые попал, я сделал железную установку: молчи и слушай. И вообще прекратил своё стихосложение на пару лет.

Но в ту давнюю студенческую пору в родном и незабываемом общежитии на Ленина, 49 нередко околачивался в одной комнате, чтобы послушать ребят-эрудитов, они знали в сто раз больше, чем я. Приходилось им прочесть что-то своё. Стишки мои принимались снисходительно, с непременной отсылкой к Мандельштаму либо Цветаевой – учись, юноша, как надо писать.

Заходил я в эту комнату ещё и потому, что там бывала она – красивая старшекурсница. Чёлка в стиле Бриджит Бардо, белый свитер облегает красивую грудь и подчёркивает высокую шею. С этими ребятами она была свободно на «ты». В тот вечер повторилась мягкая экзекуция с привычными щелбанами. Честно сказать, это не было совсем уж безобидно. Вдруг она сказала мне: «Пойдём погуляем». Я ушам не поверил, но собрался махом. Не я один был в неё влюблён. Мы знали её кавалера, который в конце концов стал мужем. Мы вышли в тёмный город. Был удивительный зимний вечер. Снег падал большими пушистыми хлопьями. Она мне сказала: «Что ты так расстраиваешься? Не бери в голову всё, что они там тебе говорят. Они же сами ничего не умеют». И ещё что-то хорошее, поддерживающее. Такой прогулки не повторилось. Но я благодарен безмерно и за ту единственную.

Надо сказать, что эти ребята и не стали мне *сердечно* близки.

А вот из тех, кого я встретил на литобъединении, многие сохранились именно *памятью сердца*. Потому что я увидел, что они те самые селф-мейдмены, сделавшие себя сами. Своим примером они и меня подвигали к самообразованию.

Я расскажу о трёх поэтах той поры, о своих личных впечатлениях. А заметки о них расположу в такой хронологии – по мере их ухода из жизни.

### **Геннадий Георгиевич Плющенко (6 января 1941 – 17 октября 2012).**

На первом же занятии лито, которое я посетил, сразу отметил Гену Плющенко, филолога-старшекурсника. Что называется, писанный красавец. Блестящие глаза, аккуратная чёрная борода. Подтянутый, складный. Рубашка перехвачена широким ремнём по моде той поры. А главное здесь, в поэтическом кругу – голос. Бархатный баритон, которым он прекрасно пользовался.

Родился Плющенко в Краснодарском крае, в совхозе «Искра». Это преддверие Кавказа. В 1960–63 служил в армии в Подмосковье. Оттуда эти замечательные строчки:

*В шинели я себе казался выше,  
В шинели не брала меня усталость.  
Как я в тебя, Москва, вошёл да вышел,  
Так ты в меня вошла да и осталась.*

.....  
*Мне не забыть свидания с тобою.  
О, если бы ему да повториться!  
Для многих ты становишься судьбою,  
Немногие в твоей судьбе, столица.*

(О, как читал это Федя Госпорьян, с удовольствием проговаривая крепкие и точные слова. Успею ли когда-то рассказать всё, что помню о Фёдоре? Он достоин отдельного рассказа.)

На службе Гена готовился к поступлению в вуз. Узнал про Томский университет. После демобилизации приехал в Томск и поступил на историко-филологический.

Тогда он уже сочинял стихи. И в мае 1964-го стал полноправным участником самого первого из прославленных Дней поэзии Томского политехнического.

\* \* \*

*Берёзки северные встретили  
Закоренелого южанина.  
Берёзки стройные.  
Но к этим ли  
За лаской тянется душа его?*

*Они наряжены затейливо,  
И с ними трудно спорить в грации.  
Но я-то знаю –  
Каждый день его  
Тревожит южная акация.*

Он окончил университет в 1968 году. Так что мне, поступившему в 66-м, повезло видеть и слышать Гену во всём блеске его юношеского темперамента и простительного самолюбования. Кто же тогда мог знать, что спустя почти десяток лет мы будем работать в одной редакции, в газете Томского района. И отношения наши не будут простыми. Но лучше всё по порядку.

Так вот, на занятиях литобъединения Гена, как мне казалось, первенствовал. Во-первых, он мастерски читал свои строки, как будто написанные специально для эстрадного исполнения. Во-вторых, он умело парировал критические реплики, их было немало, этим отличалось наше лито – здесь умели щёлкнуть по носу, низвергать с небес. С Геной это почти не удавалось. Он был умелым полемистом. Удовольствием было наблюдать эти перепалки. Стихи Плющенко грешили риторикой и манерностью. Но – забавно! – таких строк я почти не могу сейчас припомнить. Ну разве что эти:

*Я руку протянул, чтобы рукою  
Нависшей ветки отвести удар,*

читаемое глубокомысленно и с помаванием той самой рукой, желающей отвести удар, который ни с того ни с сего хочет нанести коварная ветка. Тут не возбранялось и негромко посмеяться.

В памяти возникает другое, сказанное красиво и торжественно:

*Тогда забвенья времени утрать,  
Одоевский. И с дружеской любовью  
Ты подари мне синюю тетрадь,  
Я до краёв тебе её заполню.*

И, конечно, на всю жизнь запомнилось, как они пели у нас в общежитии на Ленина, 49 – Гена и его товарищи Александр Казаркин и Владимир Шухтин. Там, на лестничной площадке у пожарного ящика, часто звучали песни под гитару. Но это трио показывало нечто совсем другое. Они пели, что называется, на голоса. Технар Шухтин брал низы, а друзья-филологи шли по верхним нотам. Каждый вёл свою партию, их красивые голоса сливались в изумительной силы мелодию. Пели они русские и украинские песни. Никогда не любивший их в исполнении народных хоров, тут я слушал эти песни с упоением, восторгом.

А как они разложили на голоса любимую тогда «Бруснику» Александра Гордницкого!

Задумчиво-элегично начиналась она:

*Ты мне письмо писать рискни-ка,  
Хоть это всё, конечно, зря...*

И вдруг перерастала в сильный многоголосый распев:

*Над поздней ягодой брусникой  
Горит холодная заря!*

Эх, как жаль, думал я тогда, что не слышит этого исполнения сам автор!

После университета Гена работал в газете райцентра Кожевниково. Летом 1969-го, отчисленный из вуза, я в составе бригады калымщиков (тоже частично гуманитариев) воздвигал для совхоза «Кожевниковский» будущий птичник. Стройка была недалеко от села, и мы зашли в редакцию навестить Гену. Неудачно: его забрали на армейские сборы. Полистали подшивку газеты, обнаружив там некоторые его работы, подписанные и фамилией, и забавным псевдонимом Плюген. Осенью я отправил Гене свою трудовую книжку, когда выяснилось, что будет нелишним внести эти строительные недели в трудовой стаж. Он исполнил просьбу и даже порадел, чтобы туда вписали аж три месяца работы! Возвращая книжку, пожелал мне успешного восстановления.

Встретились мы несколько лет спустя уже в Томске, сначала в молодёжке, куда я просто заходил. А потом стали коллегами в газете Томского района. Про наше общение тех лет я рассказал в очерке «Газета». Здесь, продолжая сегодняшнюю тему, скажу о стихах. Раз в два месяца мы делали литературную страницу. В ней были пробы пера жителей района. Ставили и мы иногда что-то своё, нас было четверо стихотворцев – Овценов, Перервенко, Плющенко да я. Гена как ответственный секретарь красиво верстал страницу творчества. И вот однажды, пробегая её глазами, я вдруг понял, как много теряют Генины стихи без его живого присутствия – без этих светящихся глаз, отменной бороды и, конечно, голоса, такого, о котором когда-то писал Маяковский: «Я сошью себе чёрные штаны из бархата голоса моего».

Версификаторский талант остался при нём:

*И куда несло нас и зачем несло  
И влекло, качая по течению?  
В выраженье звуков и в значенье слов  
Смутное качание, влечение...*

Талант этот воплощался и в экспромтах, в сочинениях на случай. Вот ко дню моего рождения Гена сложил этакий мадригал:

*Не клюкнем ли, Крюков? Где крюшка?  
Какого хвалился бражна?  
Вот кружку выносит подружка.  
Вот кружка по кругу пошла.  
И кто был невесел, угрюм был,  
И даже тому хорошо.  
Под сенью развесистой крюквы  
Мы фирменный глушим крюшон.  
.....  
Ведь это же в стиле великих.  
А ты – наш великий стилист.  
Владимир Михалыч, велите,  
Чтоб кружки, как песни, взвились!*

*(11 апреля 1979)*

И певческий голос Гена сохранил. Теперь после рабочего дня и после скромного застолья это был их дуэт с Борей Овценовым. Мы с Перервенкой лишь изредка отваживались присоединиться к их слаженному красивому пению.

Но, казалось мне, слишком серьёзно относится он к нашей газетной работе. Нет, я тоже не скажу, что работал спустя рукава. Ездил в командировки, старался написать хорошо, интересно, помогал людям там, где мог помочь. Но на всех планёрках, отчётах, собраниях Гена был слишком взыскателен, требовал безукоризненного исполнения графиков и планов, как будто мы делали дело большой государственной важности. Не забуду позорного факта моей

биографии, когда я пересказал Геннадию Георгиевичу фразу Толика Перервенко об «архивных мальчиках». Он как бы связывал нас с теми ребятами из пушкинского века, которые служили в архиве абы как, проживая духовно в ином мире. И Гена, раздражённый постоянными срывами графика нашим отделом, обнародовал это на планёрке всей редакции. Я не знал, куда деться от стыда, но Толик мне простил. А я определил некоторые коррективы в отношениях с нашим ответсекретарём. Увы, годы сделали дело – он уже был другим.

А вскоре Гена стал так называемым *ивановцем*, то есть последователем легендарного старца Порфирия Иванова, сторонника крутого закаливания. Он вдруг ощутил, что ему хорошо и комфортно в одной байковой рубаше в самые серьёзные морозы. Этот его образ стал так же известен всему городу, как неизменный берет Толи Перервенко. Через это он попадал в разные курьёзные ситуации. Однажды, увидев его на автобусной остановке в одной рубаше, отзывчивая бабушка вынесла ему из дома фуфайку. В другой раз его задержала милиция. Доставленный в участок, он терпеливо объяснял, что пребывает в мороз в одной рубашке по доброй воле.

В начале 2012 года я напечатал большую подборку Плющенко в нашем писательском журнале. Журнал Геннадию передали. Я поставил то, что мне особенно нравилось.

#### КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

На заре, когда спадёт истома,  
Воздух свеж и ощутим на хруст,  
Со двора родительского дома  
Каждый раз глядел я на Эльбрус.

.....  
Далеко ушла моя дорога  
От начала чуда этих зорь.  
Хочется порой мне их потрогать  
Памяти растроганной слезой.

И тогда за даль аэродромов,  
За туманы дней, несущих грусть,  
Через тихий двор родного дома  
Я смотрю, как прежде, на Эльбрус.

Раздвигая время и пространство,  
Беды и печали, в мой зенит  
Всходит он как символ постоянства  
От пределов неба и земли.

Все мои дела и устремленья  
Озаряет свет его вершин.

Так живу. Всегда кавказский пленник.  
Пленник по велению души.

## У КРОМКИ ВОД

На берегу Оби стоит сторожка –  
Снегами занесённый серый сруб.  
Мы проложили к ней свою дорожку  
К слиянию озябших рук и губ.  
Мы посидим здесь, помолчим немножко.  
А ты, сторожка, нас посторожи.  
Прикрой своё безокое окошко,  
Чтоб не заметил местный старожил,  
Как я сниму снежинку осторожно  
С её ресниц и капельку сотру.  
Сидим. Молчим. Притихли. А сторожка...  
Ты что ж дрожишь, как листик на ветру?

Прошла зима. Последняя пороша  
Скатилась в реку, подхватив весло.  
Стоит на берегу реки сторожка?  
А может, половодьем унесло?  
Тех зимних дней нет ничего дороже.  
Вернуться бы в снега любви. Да вот  
Боюсь: приду, ещё стоит сторожка,  
Но нет тебя у кромки вешних вод.

Последние годы мы виделись редко. Но когда встречались на улицах города, останавливались надолго, говорили, шутили. Порой казалось, что не так далеко те годы, о которых мы весело вспоминаем. Нет, далеко они были. И далеко нас отнесло друг от друга...

## Валерий Михайлович Сердюк (23 декабря 1945 – 2 мая 2015)

Родился в 1945 году в Томске. Школьные годы провёл на севере области – в Колпашеве и Парабели. Первая серьёзная публикация Валерия Сердюка состоялась в новосибирском «Дне поэзии» 1964 года. Отслужив в армии, он вернулся доучиваться на историко-филологическом факультете Томского университета. Была тогда такая традиция: брали ребят курса со второго, а после службы возвращали.

Валера выглядел молодо, свежо, был красив. Стал заметной фигурой в университетском литобъединении.

Какая разноголосица звучала тогда на занятиях лито!

Григорий Кружков: *Ряд покатых холмов, купол неба холодный и серый...*

Борис Варавя: *Романтика, ах, романтика! Ты знаешь, давай без «ах»...*

Толя Омельчук: *Входила в малину, как будто молилась...*

Валера Сердюк: *Вот я шагнул через порог. Шагнул и не споткнулся...*

На чтениях по кругу я помалкивал, понимая, что мой детский лепет никому не нужен. И, слава богу, никто за язык не тянул. Но вот Валера как-то обратился ко мне после занятия. Недолго мы поговорили, и я потянулся к нему. Тогда было принято сверять свои точки притяжения, своих любимых поэтов. И мы обнаружили с ним немалое совпадение.

Тогдашнее общение было недолгим. Меня отчислили за поведение, «порочащее достоинство советского студента» (о чём мне уже приходилось рассказывать).

Когда я восстановился, Валеры в университете уже не было.

Мы встретились в стенах томской областной молодёжной газеты. Она, понятно, называлась «Молодой ленинец» и была проводником линии партии в рядах молодёжи. Но я был так называемый *внештатник*, то есть человек приходящий и выбирающий свои темы. Это были выставки молодых художников, новые фильмы, концерты, гости города – люди из сферы культуры, юбилей писателей, поэтов. Из той газетной практики мне вспоминается феноменальное умение Валеры находить для моих опусов заголовки. Нередко заголовком становилась поэтическая строка.

Мои заметки по большей части проходили под псевдонимами – так редактор газеты подстраховывался, сберегал и себя, и меня – клеймо отчисленного за идеологическую незрелость казалось несмыслаемым. Но вот Валера рискнул поставить в литературную страницу (он их готовил) мой стишок. И фамилия автора была набрана достаточно крупным шрифтом.

А стишок был вполне уязвим для критики. Эпиграф из Баратынского «Не властны мы в самих себе» уже настораживал. И финал подтверждал: «...судьбы свои мы свершить не вольны, / И тот горизонт за чертой остаётся». При разборе номера Валера получил по шапке не просто за нежелательное имя, но и по существу – за строки, исполненные чуждого нам пессимизма.

На некоторое время я выпал из поэтических публикаций, но разговоры о стихах мы с ним продолжали вести. Я принимал то, что говорил Валера о моих стихотворениях, потому что вполне доверял его вкусу, вполне признавал его мастерство, до которого мне надо было тянуться и тянуться. Стихи его мне неизменно нравились, я видел, как он ставит себе новые задачи и успешно их решает. Для меня очень важна интонация. Именно она зачастую определяет выбор «своего» автора. Валера Сердюк из того узкого круга стихотворцев-современников, чья поэтическая речь вызывает *полное доверие*, заставляет услышать то, что он хочет тебе сказать.

\* \* \*

Зверь, бегущий на ловца,  
Верь: ещё не всё пропало!  
Бабка надвое сказала,  
И у палки два конца.

Пусть охотник не спешит  
Со своим победным кличем.  
Кто ловец и кто добыча –  
Это жизнь ещё решит!

\* \* \*

Скажите мне, который час  
И время года?  
Необъяснимые сейчас  
Стоят погоды.  
Остыло лето, но зато  
Зима раскисла.  
И страшно докопаться до  
Причин и смысла.  
И кто докажет, что беда  
Не в человеке, –  
В какие дни или года  
И в кои веки?

Несмотря на все его журналистские дела – он был ответственным секретарём в газетах «Молодой ленинец» и «Красное знамя», редактировал газету томских профсоюзов – Поэзия оставалась главным содержанием жизни. В 1983 году в столичном издательстве «Современник» вышел его поэтический сборник «Город детства». Открывались перспективы. Однако связанные с изданием книг околотературные мельтешения были глубоко чужды Валере.

Работая редактором Томского книжного издательства с момента его образования в середине 80-х, он среди прочего подготовил основательную антологию стихов о Сибири и сборник известного поэта прошлого века Георгия Вяткина «Книга настроений». И опять собственная книга откладывалась до лучших времён. Правда, в 1991 году он напечатал здесь маленькую книжицу стихов для детей «Лесной аэродром».

Общение с ним для любого автора-томича становилось необходимой школой, совместным поиском верных слов, точных образов, собственной стилистики. Он был доброжелателен, но при всей мягкости сохранял свою принципиальную позицию.

Я с благодарностью вспоминаю нашу совместную работу. Он, по сути, выстроил мою первую книжку стихотворений, хотя имени его как редактора на странице нет – свои наработки вынужден был передать другому редактору. Подошёл он к делу профессионально: исхитрился некоторое однообразие представить как пытлиное, настойчивое желание понять язык природы. Несколько удачных стихотворений стали каркасом и скрепили сборник.

Это умение помочь, отыскать то, что достойно внимания, всегда отличало Валеру.

Уже в новом веке стал он членом Союза российских писателей, опубликовался в нескольких выпусках альманаха «Каменный мост», а затем издал наконец книгу стихотворений «В обе стороны жизни», подтвердившую, что в новой российской поэзии он занимает достойное место.

Открывается книга старым стихотворением, объясняющим её название.

\* \* \*

Доживу до скончания века,  
и в две тысячи первом году  
по годам своим, будто по вехам,  
в путь обратный тихонько пойду.  
Повторится всё то, что и было,  
даже то, что давно позабыл.  
Вот уже ты меня разлюбила.  
Вот уже я тебя полюбил.  
Вот уже я курить научился.  
Вот на дерево первое влез...  
Посмотрите: я только родился!  
Посмотрите: совсем я исчез!  
Меня будто и не было вовсе,  
но заметите, коль не слепы,  
от себя то поодаль, то возле  
в обе стороны жизни следы.  
Не был я ни в чести, ни в опале,  
но я видел, как издалика  
прилетели и в след мой запали  
семена незабудки-цветка.  
Доживу до скончания века,  
если это судьбой суждено.  
Только их не раздуло бы ветром.  
Только бы проросло хоть одно...

*23 декабря 1965 г.*

Я перечитываю эту книгу и не нахожу в ней средних, проходных стихотворений. Вот взискательность, которой можно позавидовать!

Последнее десятилетие его жизни мы встречались чуть ли не каждую неделю. В эти годы Валера был членом редколлегии нашего журнала. Как нам пригодилось его редакторское умение! Удивительна была его память на стихи – и классиков, и современников. Много помнил он историй про поэтов, с которыми сводила судьба. Мы с Геной Скарлыгиным, сидя с ним рядом за обсуждением будущего номера, порой переглядывались и покачивали головами, но не решались вернуть его к сегодняшним заботам. Валера мог отвлечься далеко и надолго, но это было интересно и выдавало в нём наблюдательного человека. Однако на мои предложения передать хотя бы часть этих историй на бумаге он неизменно отмахивался.

На подаренной мне книге надпись: «Люблю Вовку! И, надеюсь, взаимно». Да, так оно и было. Я старался никогда его не подвести. Это удавалось, и случаев, которые бы как-то расстроили наши отношения, не было. Помню Валеру в нашей поездке в Парабель в компании с Олегом Лапшиным и Геней Скарлыгиным, когда мы по Оби добрались до посёлка Шпалозавод и ночевали у родителей Олега. Какой душевный разговор возник за столом, и ведь это Валера сразу нашёл верный тон и темы. Одна из них – это, конечно, рыбалка.

Он и мне не раз увлекательно рассказывал о рыбной ловле, надеясь обратиться в свою веру, найти соратника. Нет, не удалось. И он постепенно утомился.

В конце 2008 года Валера посвятил мне такое грустное стихотворение:

Завораживают стрекозы  
пляски над цветами кувшинок.  
Стали мне безразличны козни  
врагов и завистников лживых.

Не тревожат, не жгут испытания  
худой или доброй славой, –  
убаюкивает стрекотание  
кузнечиков в душистых травах.

В этих строчках не только грусть, в них пришедшее правильное понимание жизни, когда мелочи уже не властны над нами. В них – приятие того, что нас всегда окружало, но стало важным именно сегодня.

Когда его положили на обследование в третью горбольницу, никто, кажется, не ожидал серьёзных последствий. И вдруг нам было сказано, что ситуация именно серьёзна.

Мы бывали у него с Геней. Как-то я навестил его один. Вышедшая ко мне медсестра сказала, что он сейчас под системой. «Впрочем, пройдите, посидите с ним, вы не мешаете». Я прошёл в палату, сел на соседнюю кровать. Валера оживился, захотел тут же, не вставая, надписать мне книжку, показал на тумбочку, я достал его сборник юморесок. Он писал, буквы наполнили друг на друга, но прочесть можно: «Володе – под системой. Авось выздоровею. 22.04.15». По окончании процедуры Валера сел на постели, мы ещё поговорили. Он проводил меня до двери, и я потом пытался как-то определить в словах его состояние в ту последнюю встречу. Была в нём растерянность, как будто недоумение: как и зачем он оказался в этой больничной обстановке. Была в его движениях и взгляде некая досада на то, что он так беспомощен.

Чуть больше недели прошло, и вот она, эсэмеска от Серёжи Сердюка, его младшего брата: «Валера умер в 20.30. 02/05/2015. 21:44». Не случилось этого «авось».

Вот и не стало Валерия Михайловича Сердюка, человека нешумного, непубличного, которого тем не менее знали в городе все сочиняющие и читающие стихи. Так спокойно, незаметно и надо, видимо, жить.

Очень не хватает мне Валеры.

Остаётся вспоминать его рассказы, приправленные добрым юмором, его стихотворения, от которых светлеет на душе.

На восходе ночи,  
На исходе дня  
Домовой захочет  
Греться у огня.  
Поскребётся в двери,  
Постучит в окно...  
Я в него не верю,  
Но не всё ль равно?  
Холод – он не тётка,  
Не пирог в печи:  
Вон оно метёт как  
За окном в ночи.  
Враг ему я, друг ли –  
Незачем решать.  
Просто нужно угли  
В печке помешать.  
Пламя то стихает,  
То опять гудит.  
Он сидит, вздыхает,  
На огонь глядит...  
Отогревшись, вскочит,  
Сгинет, семена,  
На исходе ночи,  
На восходе дня.

И ещё скажу напоследок с большим сожалением: как он ни зазывал нас с Ольгой в свой летний дом возле реки Басандайки, ведь так и не собрались, не съездили.

### **Виктор Андреевич Лойша (31 мая 1947 – 23 января 2019)**

В конце января умер Виктор Лойша. Когда я услышал об этом по телефону, почувствовал, как будто пробили брешь в груди и туда, в сердце, хлынул холод. Он не был мне другом и даже близким товарищем. Виделись мы редко. Но в том-то и дело, что и этих встреч было достаточно, чтобы каждый раз получить некий квант энергии. Из нашего общения сформировалось определённое и неколебимое убеждение, что имеешь дело с большим, значительным, редким человеком.

Изумительная память, богатая эрудиция, грамотная и свободная речь. И совсем уж не академически-нейтральная. Загораясь, он пересыпал её матерными словами, но почти всегда это было вполне уместно. Подражать невозможно, получится топорно и пошло. Главное-то в том, что ты следишь за движением мысли, поддаёшься логике и напору.

Не только слушать, но и читать его было всегда интересно. И книги его, и даже газетно-журнальные статьи написаны точным и сочным языком, позволяющим наглядно представить какую-то научную проблему, а исторические хроники подать как живое, ещё тёплое время.

Слог современной журналистики подвергался его безжалостному избиению, язвительному разбору – предметному и убедительному. Что ж, сегодня, наверное, можно признать, что Виктор проиграл это сражение с безграмотностью и невежеством. Вон как они, не смущаясь, корёжат ударение на центральных каналах, как бесстрашно тиражируют ляпы в больших и малых изданиях. Да, тот уровень журналистики, которому Лойша призывал соответствовать, канул в Лету. Пришли иные времена...

Резко, как будто это было вчера, вспоминается день, вернее, осенний вечер 1967 года, когда я его впервые увидел и услышал. Университетское литобъединение (или лито) собиралось в одной из уютных аудиторий третьего корпуса. В тот вечер на чтении по кругу загредел новый для меня грубоватый голос с нескрываемым, а даже акцентированным, картавым, рокочущим «р».

*Когда гр-рохочет сер-рдце в р-рёбрах,  
как пер-регр-руженный состав...*

По горным ущельям едва бредёт изнемогший от зноя и жажды человек. И вдруг на его пути – падающие сверху потоки воды. Финал был красив:

*И вот, ни чёр-рта не поняв,  
вхожу в отр-раду водопада,  
стр-релой летящего в меня!*

Это был студент геолого-географического факультета Витя Лойша. Худославый, костистый, с резко обозначенными скулами, выразительными руками. Разумеется, я тогда не познакомился с ним. Конечно, заробел.

А познакомил нас восемь лет спустя Валера Сердюк. Сейчас объясню, почему я так легко называю дату. Валера работал в молодёжке, и я при его поддержке печатал в газете очерки к юбилеям замечательных людей, большей частью из мира литературы. В 1976 году написал статью к 100-летию Джека Лондона. Валера сказал, что о Лондоне принёс ему заметки и Виктор Лойша. После окончания ГГФ он работал геологом на Колыме, Чукотке в системе Северо-Восточного геологического управления. И вот он описывал впечатление от красивого озера в верховьях Колымы. Ещё до войны геологи

дали ему имя Джека Лондона. Сердюку понравилось, он жалел, что это не попало на страницу газеты. Я просто опередил Лойшу – мой материал уже ушёл в набор.

В это время Виктор уже был сотрудником областной газеты. Многие годы спустя в интервью он рассказал об этом так: *«Вернувшись, не смог найти в Томске работы по специальности и пошёл в газету «Красное знамя»: друзья убеждали в пригодности к журналистской профессии. Так оно и оказалось: пригоден»*. Вот тогда-то Валера меня с ним и познакомил. Мы не стали товарищами, но теперь при встрече пожимали друг другу руки.

Общение оживилось в начале 90-х годов. К этому располагали некоторые малозаметные для других обстоятельства.

Принёс я ему какую-то заметку для газеты, зашёл в кабинет, Виктора на месте не было. Присел к его столу и увидел под толстым стеклом распечатанное на машинке стихотворение Александра Кушнера.

*О слава, ты так же прошла за дождями,  
Как западный фильм, не увиденный нами,  
Как в парк повернувший последний трамвай, –  
Уже и не надо. Не стоит. Прощай!*

Оказывается, не только мне оно легло на сердце.

В пору перестройки литературные журналы читали запоем. В первом номере «Дружбы народов» за 1989 год была напечатана замечательная трагикомическая повесть Владимира Войновича «Путём взаимной переписки». А в конце номера в разделе «Личность и общество» я заметил знакомое имя, и единым духом прочёл очерк Лойши «Такое кино» с подзаголовком «Четыре дня с Андреем Тарковским». Тарковский был и остался любимым моим режиссёром. Конечно, я помню его выступления перед демонстрацией «Сталкера» летом 1979 года во Дворце зрелищ и спорта. Но ведь не пришлось в голову что-то записывать, а Витя сделал это, сверил с режиссёром, а в журнале дал с замечательным комментарием.

При встрече я сказал Лойше слова признательности, и он принял это спокойно, как должное.

Восхождение его в мире журналистики происходило на моих глазах. Слава была заслуженной. Стяжал он массу наград, и среди других специальный приз *«За верность профессии»*. Виктор издал три десятка документальных книг. В основе его произведений всегда точные факты, он был поборником абсолютной достоверности.

И все эти годы не переставал писать стихи. Иногда это дело отходило на второй план, но надолго он его не оставлял. Поэзия была одним из проявлений его большого творческого дара.

В 2000-м он решился наконец выпустить первую книжку стихов. Называлась она «Век мой кончается». Витя не поставил туда старое, студенческое, но в одном стихотворении появляется юный геолог, наблюдательный и размышляющий.

Вот встреча с чукчей (натуральным, не из анекдотов):

В палатке около печурки  
в сияньи доброго огня  
он смотрит с ласковым прищуром  
на лопухого меня.

Посланник зыбкого прогресса,  
наук сомнительный адепт,  
я пригласил его погреться  
и преломить со мною хлеб.

А у него – свои вопросы.  
И я их, кажется, пойму.  
Он долго курит папиросу  
и, очевидно, потому,

что он спокойно рассуждает  
и мягко щурится на свет,  
собаки вскоре понимают:  
геолог – тоже человек.

Они ворочают хвостами,  
лежат устало у стола...

Бредёт очередное стадо.  
За ним идут ещё стада.

Не нами задано движенье.  
Так что ж молчим мы, что стоим?

...Проходят грустные олени  
к далёким пастбищам своим.

В этой книжке много и того неуёмного Лойши, которого мы знали по жизни: желающего сказать чуть ли не обо всём, что происходило и происходит в окружающем мире. Тут упомянуты Солженицын и Сахаров, Гитлер, Сталин и Пиночет, Кант и Эйнштейн. Напористость автора иногда утомляет, он непременно хочет тебе что-то доказать. В стихах, написанных позднее, интонация станет мягче, доверительнее.

В год, когда вышел второй сборник «Антропоген» (2004), мы – ячейка Союза российских писателей – формировали первый выпуск нашего альманаха «Каменный мост».

Я позвонил Вите. Любимое обращение его было «старик». Я, конечно, так же величал его в ответ, так он и в записной книжке у меня значился. А любимая фраза (как я помню): «Не в этом дело». Она могла следовать за каким-то пассажем-отступлением как возвращение к теме, а могла быть просто продолжением разговора. И состоялся у нас примерно такой диалог.

- Привет, старик. Не хотел бы ты дать стихи для нашего издания?
- Привет. Скажи, старик, что там за публика подбирается?
- Да в основном тебе не знакомая. А что тебя смущает?
- Да не в этом дело, старик. Я дам из последней книжки.
- Приходи на наши сходки.
- Как-нибудь приду.

Так появилась в альманахе небольшая подборка Лойши. Среди стихотворений – вот это, о его родном рабочем посёлке:

Тальменка Алтайского края.  
Клочок золотушного рая  
на краешке лесостепи,

где летом глубокое ведро  
ласкает пузатые вётры  
и где осмысление спит.

Где жаркие помнят перины  
про мой пубертатный период,  
про всякий фрейдистский пустяк,

где юношеские раздумья  
унылая проза раздует,  
где родина, мать её так.

Где мать... Я когда-то без спроса  
отцовские крал папиросы,  
стараясь быстрее взростеть.

Потом, повзрослев очень скоро,  
ушёл в краснокаменный город,  
в университетскую медь.

И тут прекратились экологич.  
Схвативши вершки геологий,  
я понял азы бытия,

чтоб лет через много украдкой  
заплакать над старой тетрадкой:  
деревня, родная моя!

А на сборища наши по подготовке следующих выпусков стал приходиться горячо участвовать в обсуждении. При этом не забывал, как истинный Каза- нова, смущать нескромными замечаниями нашу Лену Кириллову. Витя пред- ложил редакции мемуары еврейской коммунистки Приве Фриджюнг «Мы просто хотели, чтобы был рай на земле» и снабдил коротким и дельным пре- дисловием (как всегда у Лойши, хорошо написанным). Мы приняли на «ура» его заметки «Михаил Булгаков глазами Тальберга». Он вошёл в редколлегию альманаха, но на предложения моих коллег вступить в писательский Союз не откликнулся. А ведь каждый с удовольствием написал бы ему рекомендацию. Нет, его вполне устраивала роль гуляющего «сам по себе».

Последние годы, когда ему отняли ноги, он потерял возможность мобиль- но передвигаться, но ничуть не утратил интеллектуальной мобильности. В писательском журнале «Начало века» мы, можно сказать, прямо с пылу-жа- ру печатали его работы на самые разные темы. Когда приезжали к нему в го- сти, совсем не возбранялось привезти с собой бутылку водки. Он был полон замыслов. И многое успел воплотить. Теперь дело за тем, чтобы они обрели форму книги.

Завершить эти заметки хочу стихами Виктора.

### ЛИЛИИ

В глубине оранжереи  
в ботаническом тепле  
замирают длинношее  
украшенья королей.

Снежно-белые короны,  
золотистая пыльца...  
Символ брошенного трона,  
отречённого венца.

Пафос горестных изгнаний  
и пути на эшафот.  
Англий, франций и испаний  
93-й год...

Отчего же нам так близки  
эти странные цветы  
посреди зимы сибирской  
и морозной наготы?

Объяснить довольно просто:  
путь никто не выбирал  
от январского Тобольска  
на погибельный Урал...

## СИМАН, ОБСКАЯ ПРОТОКА

Это удивительно красиво:  
чистая, свободная вода  
к северу от долгого Транссиба,  
перпендикулярно поездам.

Берег, совершенно не похожий  
на многообразье берегов.  
Нерест осетровой молодёжи.  
Тайна заливаемых лугов.

Нежность ястребиного пролёта.  
Сладость свежескошенной травы.  
Солнце ударяет с поворота  
тихой магистральной синевы.

Остров – заповедник шелковистых  
ангелоподобных жеребят.

Видимо, поэтому так чисто  
ангелы небесные трубят...